

Академия художеств в блокадном Ленинграде

Е. А. Харлашова,
хранитель коллекции
живописи, графики и скульптуры
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда

Великая Отечественная война резко изменила привычный ритм жизни Академии художеств и стала самым большим потрясением в ее истории.

Война поставила перед руководством Академии сложную задачу: с одной стороны, мобилизовать все силы коллектива на помощь фронту, с другой – продолжать научную и учебную работу высшего учебного заведения.

Только за восемь дней июня (с 23 по 30) 41 сотрудник Академии ушел в ряды Красной Армии¹. 3 июля в здании Академии состоялся митинг, на котором 43 человека подали заявления о зачислении их в народное ополчение. Добровольцами становились руководители вуза, преподаватели, студенты, рабочие и служащие. В первые дни войны на фронт ушли молодой директор института В. Я. Родионов, его заместитель по научной и учебной работе профессор М. К. Каргер, секретарь партийного бюро В. А. Королёв, директор средней художественной школы Н. И. Андреев, председатель местного комитета В. В. Лебедев, преподаватели В. А. Анисович, А. А. Дивин, А. А. Зайцев, С. В. Коровкевич, А. А. Трошичев, А. А. Шелутко, заведующая учебной частью А. М. Смирнова и многие другие². Только за июль-август из числа студентов, находившихся в Ленинграде, 27 было призвано в Красную Армию, 133 стали добровольцами³. Из сведений, посланных Комитету по делам искусств, видно, что число уходивших на фронт неуклонно росло, и к началу ноября 1941 года одних добровольцев было уже 216 человек⁴. Всего за полгода войны на фронт ушло около 300 человек, т. е. более трети коллектива⁵. К началу августа 1941 года почти целиком из студентов-добровольцев Академии и ЛГУ был сформирован партизанский отряд, совершивший четыре рейда в тыл врага. Членами отряда стали студенты живописного факультета М. М. Кочерга, П. А. Литвинов, В. И. Фёдоров, Г. А. Чепец, Т. Г. Шевченко, несколько аспирантов и преподавателей Академии и университета, среди них был и известный искусствовед, историк античного искусства, доцент Академии П. Н. Шульц. Вскоре в Академию художеств стали поступать нерадостные вести с фронта о гибели студентов и преподавателей. Одной из трагических страниц обороны Ленинграда является гибель почти целого арtpолка в местечке Большая Вруда (Волосовский район) 15 августа 1941 года. Тогда в неравном бою пали смертью храбрых студенты института живописи, скульптуры и архитектуры Михаил Андреев, Эммануил Ляндерс, Иосиф Богомольный, Александр Томилин, Леонид Аксельрод, Самуил Киммельфельд. Они похоронены в братской могиле⁶. До конца 1941 года в боях за Ленинград погиб-

¹ Иогансен М. В. Педагогический процесс и научно-методическая деятельность института имени И. Е. Репина в годы Великой Отечественной войны // Вопросы художественного образования. Л., 1975. С. 59.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 61.

⁴ НБА РАХ. Ф. 7. ОП. 1. 1941. Д. 2. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 6.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 7.

ло свыше пятидесяти студентов и преподавателей Академии. Пал смертью храбрых директор института Академии В. Я. Родионов, студенты К. Я. Василенко, К. Л. Иофик, В. М. Свердлов, Е. Г. Фалько, Э. Б. Зальцман и др.

Студенты, учащиеся средней художественной школы, преподаватели, натурщики, сотрудники Академии художеств были привлечены к участию в строительстве оборонительных укреплений в Лужском и Гатчинском районах, где не раз подвергались бомбежкам вражеских самолетов.

Многие педагоги и студенты участвовали в маскировке военных и промышленных объектов, архитектурных и скульптурных памятников. Академики архитектуры Л. В. Руднев и А. С. Никольский, профессора И. И. Фомин, М. И. Рославлев, А. И. Заколодин возглавляли маскировочные работы на крупнейших заводах города и на кораблях Балтийского флота.

В сентябре 1941 года, над Ленинградом нависла непосредственная угроза вторжения врага. «В те дни, – вспоминал профессор И. А. Бродский, – монументальное здание Академии художеств с массивными стенами и сводчатыми перекрытиями напоминало хорошо подготовленную к длительной обороне крепость. Окна 2-го этажа, выходящие на Неву, были превращены в амбразуры, у пулеметов заняли свои боевые посты краснофлотцы. В Рафаэлевском зале бойцы рабочего батальона получали винтовки, гранаты и бутылки с бензином»⁷.

В музее Академии и в ее уникальной научной библиотеке в конце лета и осенью 1941 года шла напряженная работа по сохранению и консервации фондов. Большие копии росписей Рафаэля, Тициана и других художников Возрождения были сняты со стен и накатаны на валы. Вся экспозиция была свернута. Материалы графического характера были раскантованы и уложены в ящики, гипсовые слепки демонтированы и сосредоточены в помещениях первого этажа. Наиболее ценные книги уносились из библиотеки в подвалы. Был также организован прием на хранение произведений искусства и книг, принадлежавших лицам, эвакуированным из Ленинграда, главным образом из числа педагогов Академии. 18 августа 1941 года стало известно о решении Комитета по делам искусств при Совете Народных комиссаров СССР об эвакуации Академии в Самарканд. В срочном порядке составлялись списки, оформлялись документы, сотрудники отзывались с оборонительных работ. 88 ящиков и четыре огромных вала с музейным имуществом были отправлены на станцию Товарная Московской железной дороги. Однако отъезд не состоялся. После 19-дневного (с 25 августа по 12 сентября) пребывания в пакгаузе, около которого круглосуточно дежурили музейные сотрудники, имущество музея было возвращено на Васильевский остров и размещено в подвалах Академии⁸.

⁷ Бродский И. А. Академия художеств в осажденном Ленинграде // Художники города-фронта. Л., 1973. С. 391.

⁸ Иогансен М. В. Ук. соч. С. 61.

В октябре 1941 года начались занятия на всех факультетах Института живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств. Преподавание шло до конца осеннего семестра 1941 года; вместо обычного контингента (600 человек) занимался лишь 391⁹.

Профессор А. А. Починков вспоминал, что лекции нередко прерывались воздушными тревогами, отключением электричества. При тревогах не разрешалось оставаться в аудиториях. Преподаватели часто дочитывали свои лекции в бомбоубежище Академии¹⁰.

В сентябре 1941 года начались занятия и в Средней художественной школе (СХШ), расположенной на третьем этаже академического здания. На 1 октября 1941 года в СХШ числилось 189 человек, включая подготовительное отделение¹¹. Ученики совместно с преподавателями участвовали в работах по сооружению оборонительных укреплений, вместе со студентами института упаковывали ценности Эрмитажа.

Не прекратила своей работы и научная библиотека. «В свободные часы библиотека заполнялась до отказа и только по сигналу воздушной тревоги мы отрывались от всего этого. Везде, где только мороз не сковывал рук, где горела хотя бы коптилка, рисовали, лепили, читали», – вспоминал профессор И. А. Бродский¹².

Продолжалась научная работа, периодически заседал ученый совет. 15 декабря 1941 года на заседании ученого совета аспирант И. А. Бартнев защитил кандидатскую диссертацию «Взаимоотношение конструкции и формы в русской архитектуре XVIII–XIX веков». 29 декабря профессору, выдающемуся графику П. А. Шиллинговскому по совокупности его художественных работ и преподавательской деятельности была присвоена ученая степень доктора искусствоведческих наук.

В декабре добираться до Академии стало нелегким занятием. Из блокадного дневника академика архитектуры А. С. Никольского: «Ходить по Ленинграду не так-то просто. По левому берегу мимо Адмиралтейства, через мост лейтенанта Шмидта безопасней, но только до моста. Площадь Труда и мост зверски обстреливается. Идти Университетской набережной – пусто, голо, спрятаться некуда.... Из Стрельны бьют немецкие дальнобойные»¹³.

Чтобы выполнить свои программы, преподаватели Н. Д. Флиттнер и Б. Л. Богаевский проводили занятия у себя дома.

Постепенно в помещениях становилось все холоднее. Резко сократились нормы выдачи продуктов питания. Однако наперекор всему, ценой невероятного напряжения сил,

⁹ НБА РАХ. Ф. 7. Оп. 5. 1941. Д. 56. Л. 2.

¹⁰ Починков А. А. Работа Академии художеств в период Второй Отечественной войны. Первые месяцы войны // Никто не забыт. Блокадный мартиролог. СПб., 2009. С. 11–12.

¹¹ Митрохина Л., Кириллова Л. История создания СХШ // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 16. 2009. С. 52.

¹² Бродский И. А. Ук. соч. С. 391–392.

¹³ Никольский А. С. Академик архитектуры // Подвиг века. Л., 1969. С. 281.

воли институт продолжал работать. Большим событием в жизни Академии художеств явилась защита, а вслед за ней и выставка дипломных работ, вызвавшие большой интерес общественности. 20 октября 1941 года, по распоряжению правительства, были откомандированы из армии для окончания дипломных работ 10 студентов; 29 дипломников (11 живописцев, 12 архитекторов, 4 скульптора и 2 графика) защищали свои дипломные работы¹⁴. Сессия проходила со 2 по 10 декабря. Тяжелейшие условия блокадной зимы внесли необычные изменения в обстановку. Аудитория освещалась неверным пламенем коптилок. Профессора и студенты находились там в ватниках, в пальто; промерзшие стены давно нетопленного здания Академии серебрились инеем. Несмотря ни на что, порядок защиты, заведенный в институте, строго соблюдался. Члены Государственной экзаменационной комиссии в деталях обсуждали каждую из представленных на их суд работ, спорили о ее достоинствах и недостатках. Как и в другие годы, заседания ГЭК стенографировались. Первое заседание ГЭК, посвященное защитам дипломных работ выпускниками живописного факультета, от 2 декабря 1941 года открыл председатель комиссии, исполняющий обязанности директора института живописи, скульптуры и архитектуры ВАХ, профессор А. И. Сегал. Он сказал: «Товарищи, наш город переживает сейчас исторические дни, и все, что в этом городе происходит, носит, естественно, исторический характер. Поэтому, я думаю, что не будет преувеличением, если я скажу, что наша дипломная сессия действительно является исторической и в историю Академии она войдет, как совершенно новая замечательная дата»¹⁵. Многие работы из-за войны не были закончены, и все же звание художника присуждалось комиссией с большой строгостью. Особенно были выделены и получили отличную оценку картина А. С. Курзаева «Невеста», полотно Н. А. Виноградова «Пётр I на строительстве русского флота», работа Ф. С. Лемберского «Стачка на уральском заводе», эскизы оформления спектакля по пьесе Шекспира «Ричард III» Е. Б. Добрынина.

Самую высокую оценку получили дипломная работа графика М. А. Таранова, ученика П. А. Шиллинговского (эстампы «Стачка» и «Вооруженное восстание», оформление книги «Повести Белкина» А. С. Пушкина), и скульптора И. И. Сысоева («Мать с ребенком»). Сысоев недавно вернулся с фронта для защиты диплома. Раненый, находясь на излечении, потеряв один глаз, он работал над дипломным проектом с исключительным упорством и смог завершить его. Он получил отличную оценку и был оставлен в аспирантуре. Профессор В. А. Синайский отметил на защите: «Сысоев представлен так, как никогда не были у нас представлены молодые люди, работавшие в более нормальных условиях»¹⁶.

¹⁴ См.: Харлашова Е. А. Академия художеств в блокадном Ленинграде. Сентябрь-декабрь 1941 года // Забвению не подлежит. Вып. IX. СПб., 2013.

¹⁵ НБА РАХ. Ф. 7. 1941. ОП. 2. Ч. 2. Д. 62. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 21.

Часть выпускников-архитекторов разрабатывала проекты на тему «Здание библиотеки Академии наук в Москве». С. Б. Сперанский представил на защиту не сам проект, а лишь эскизы к нему: автор только что вернулся с фронта, и у него не было ни времени, ни сил, чтобы, как обычно, воспроизвести свой замысел на тщательно отмытых листах ватмана. Другой выпускник – В. И. Кочедамов – вынужден был вычертить свой проект тушью на листах кальки. Часть чертежей этого проекта входят теперь в экспозицию архитектурного отдела музея Академии.

Еще один дипломник архитектурного факультета М. Б. Ваксер частично выставил на защите плакаты для Окон ТАСС, над которыми он начал работать со второй недели войны, еще в июне 1941. Незадолго перед защитой Ваксер решил переосмыслить свой дипломный проект «Соединительный парк в Тярлево» (между Детским селом и Павловском) и переделать его в Парк Победы: на это решение повлияла гибель на фронте его лучшего друга аспиранта Академии, живописца З. Б. Зальцмана.

После защиты Ваксер был оставлен в аспирантуре ВАХ у академика архитектуры А. С. Никольского. Никольский и его ученик жили в то время в бомбоубежище Эрмитажа – бывших дворцовых подвалах, где Ваксер продолжал вести дневник, назвав его «Записки пещерного человека».

Моисей Борисович Ваксер умер в ночь с 3 на 4 февраля 1942 года в стационаре Академии. Ему было только 25 лет. Его похоронили в братской могиле профессоров Академии художеств на Смоленском православном кладбище; имя его не указано на надгробии, однако впоследствии рядом был воздвигнут увековечивающий Ваксера кенотаф.

Дипломная сессия закончила свою работу 10 декабря 1941 года. После окончания экзаменов дипломанты вместе с учителями сели за скромный банкетный стол, за которым подали чай с конфетами и небольшие блокадные порции хлеба. Бродский вспоминал: «Невозможно забыть тот праздничный день, когда все окончившие институт собрались со своими учителями, чтобы отметить получение диплома. Не было произнесено ни одной шаблонной речи. Все говорили с горячей искренностью и гордостью за советскую школу, родную Академию»¹⁷. Вскоре после сессии, 23 декабря, в тяжелейшее смертное время открылась выставка дипломных работ. Извещение о сессии и выставке было передано по ленинградскому радио.

В декабре, январе 1942 года в Академию почти ежедневно поступали сведения о гибели от истощения. В середине января дирекции удалось организовать в нижнем этаже здания Академии на углу Университетской набережной и 3-й линии стационар, рассчитанный на 25 коек. Художница В. А. Раевская-Рутковская, жена художника Н. Х. Рутковского, так описывала академический стационар: «Огромная комната нижнего этажа, посередине стол со своеобразным светильником, сковородка, наполненная маслом для живописи, крест-накрест два фитиля из ваты, горят четыре огня. Склоняясь над

¹⁷ Бродский И. А. Ук. соч. С. 393.

огнем, И. Я. Билибин что-то рассказывает. Кругом кровати, мрак, холод, печурка не дает тепла»¹⁸. «По вечерам около единственного средства отопления — круглой чугунной “буржуйки” собирались все находившиеся там лица, — вспоминал профессор А. А. Починков, и кто-нибудь по очереди делился своими воспоминаниями или сообщениями о своих работах по искусству. Я вспоминал о своих странствиях по Италии, профессор Д. А. Фогель рассказывал о своей жизни в молодые годы в Париже, профессор С. К. Исаков читал отрывки из своего большого труда по истории Академии художеств XIX века, профессор Б. Л. Богаевский делился воспоминаниями о путешествии по Греции»¹⁹.

Во время встречи нового 1942 года, когда все сели за скромный банкетный стол, профессор, выдающийся график И. Я. Билибин прочел оду, написанную им специально для этого случая в сводчатых подвальных помещениях Академии, в начале блокады переоборудованных под бомбоубежища, где жили со своими семьями многие педагоги:

Когда во дни суровой бури
Исходит кровью род людской,
Когда стал черным цвет лазури,
Когда и гром, и свист, и вой
Переполняют всю Вселенну,
И потрясенну и смятенну,
Стечением горя и невзгод,
Смертей, увечий и страданий, —
Встречаем мы наш Новый год...²⁰

В блокадные дни Билибин работал особенно много, всё чаще обращаясь к образам древнерусских богатырей; он был полон творческих замыслов, хотел создать серию лубков, открыток, плакатов, рисунков, посвященных темам Великой Отечественной войны. От эвакуации из Ленинграда он отказался. Иван Яковлевич Билибин умер в стационаре Академии 7 февраля 1942 года.

На зиму 1941–1942 годов и весну 1942 года приходится горестная череда умерших от голода профессоров, преподавателей и научных работников Академии. Среди них — профессора А. И. Боргман, Я. Г. Гевирц, А. Е. Карёв, Д. И. Киплик, К. М. Лепилов, О. Р. Мунц, Н. Ф. Петров, А. И. Савинов, В. А. Фролов.

2 февраля умер профессор живописи, преподаватель средней художественной школы Павел Семёнович Наумов. Когда началась блокада, Наумов перешел жить в Академию, чтобы каждую минуту своего времени отдавать ей. По его инициативе среди учеников СХШ был организован конкурс на тему «Ленинград в борьбе». Домой На-

¹⁸ Раевская-Рутковская В. В осажденном городе // Художники города-фронта. Л., 1973. С. 50.

¹⁹ Починков А. А. Ук. соч. С. 13.

²⁰ Цит. по.: Как русский витязь // Подвиг века. Л., 1969. С. 108.

умов пришел за несколько дней до смерти. В это время он написал письмо ученику, художнику С. Г. Невельштейну: «Я лежу в постели и не могу стоять на ногах. Горе мое в том, что в самое горячее время свалился. Но я хочу еще жить. Руки и ноги окоченевают от холода, еще могу писать. Дочь слегла, жар (грипп), жена едва держится на ногах тоже. В январе хотел прийти в школу за очередной тарелкой супа и не смог, в голове шумит, пульс не прощупывается, куда тут дойти до Академии? А у меня в Академии вся жизнь прошла...»²¹.

Павел Александрович Шиллинговский – профессор графического факультета, руководитель графической мастерской – умер 5 апреля 1942 года. Искусствовед А. А. Барташевич писал в своем блокадном дневнике 12 апреля 1942 года: «Хоронили Шиллинговского. Народу было 6 человек, от Союза художников никого. Трогательно несколько провинциальная заботливость Корнилова – вплоть до коврика на дне машины и покрывала для гроба. Могилу рыли девушки – пожарницы из Академии. Гроб получился очень широким и длинным – делали в Академии художеств. Он не умещался в могилу и его пришлось втискивать ломом»²².

Борис Леонидович Богаевский – доктор искусствоведческих наук, профессор, заведующий кафедрой истории искусства, тот самый, что, по воспоминаниям Рутковской, рассказывал о Греции, – умер 11 мая 1942 года.

В феврале 1942 года стала возможной эвакуация Академии художеств по Ладожскому озеру. Академия эвакуировалась вместе с другими культурными учреждениями города, в одном эшелоне с артистами, музыкантами, писателями. Основная часть, 250 человек, выехала из Ленинграда 19 февраля 1942 года, 35 человек эвакуировались в марте, остальные покинули город еще позже²³. Эвакуацией руководили сотрудники Академии А. И. Сегал и А. С. Готлиб. Академия была эвакуирована в Самарканд, затем переведена в Загорск, в здание Троице-Сергиевой лавры. В ходе эвакуации часть профессоров института и научных работников ВАХ задержались и осели в Ярославской области, где в поселке «Красные ткачи» и деревне Карабихе образовался так называемый Ярославский филиал ВАХ. Так закончилось героическое шестимесячное пребывание основного персонала Академии художеств в блокадном Ленинграде.

В Ленинграде для охраны здания Академии и хранящихся там ценностей была оставлена группа сотрудников во главе с доцентом, архитектором В. Ф. Твелькмeyerом. «Девятнадцатого марта сорок второго года принял бразды правления и переехал в здание Академии Виктор Фёдорович Твелькмeyer. Он поселился в комнате, где мраморные изваяния соседствовали с печкой-“буржуйкой”, походная койка стояла у письменного стола, а фонарь “летучая мышь” страховал настольную лампу», –

²¹ Письмо профессора Академии художеств Павла Семёновича Наумова художнику Самуилу Григорьевичу Невельштейну // Подвиг века. Л., 1969. С. 114.

²² Барташевич А. А. . Блокадный дневник // Звезда. 2011. № 6. С. 111. Пётр Евгеньевич Корнилов (1896–1981) – историк искусства, коллекционер.

²³ НБА РАХ. Ф. 7. ОП. 1. 1942. Д. 4. Л. 9–11.

вспоминал фотограф С. Г. Гасилов²⁴. «Стены Академии притягивали, как родной дом, сюда добирались из последних сил и, если дорога отнимала все силы, здесь умирали. Когда Виктора Фёдоровича Твелькмейера назначили директором Академии, он предпринял всё возможное для сохранения жизни людей. Почти все оставшиеся в городе переехали в здание Академии – так сэкономились силы и исключалась возможность быть убитым в пути», – писала заведующая музеем Академии в годы блокады А. А. Белогруд²⁵. Жена В. Ф. Твелькмейера художница Л. Б. Твелькмейер так описывала состояние академического здания в то время: «Здание Академии производило в те дни фантастическое впечатление. По длиннейшим пустым коридорам было жутко ходить даже при дневном свете. Казалось, что жизнь никогда не вернется сюда. И все-таки, несмотря на заклеенные накрест стекла, огромную фанерную заплату на садовом фасаде, Академия казалась прекрасной для тех, кто ее любил»²⁶.

Здание Академии художеств, подобно десяткам таких же «военных объектов», отмеченных на немецких картах, в годы блокады подверглось жесточайшим обстрелам и бомбежкам.

2 октября 1941 года в брандмауэрную стену на стыке домов № 4 и 6 по 3-й линии Васильевского острова, в которых находилось общежитие студентов, попала первая, но далеко не последняя на территории Академии бомба. На этот раз обошлось без жертв. Вскоре остался без стекол корпус мозаичной мастерской, где, несмотря на войну и блокаду, под руководством профессора Академии, художника-мозаичиста В. А. Фролова продолжали набирать панно для станции Московского метро. Оставшихся мозаичистов перевели в небольшое помещение, которое можно было хоть как-то отапливать. В НБА РАХ хранится обращение В. А. Фролова в ленинградское отделение Комитета по делам искусств с просьбой о помощи в заделке оконных просветов, в котором он пишет, что 12 октября от разорвавшейся в соседнем дворе, принадлежавшем Академии художеств, фугасной бомбы выбило в мозаичной мастерской с улицы почти все стекла больших окон. Заделать их не представляется возможным из-за полного отсутствия материалов для этого. 27 октября упавший на 2-й линии Васильевского острова (как раз почти напротив мастерской) снаряд из дальноточного орудия окончательно выбил все уцелевшие ранее стекла. Вопрос о заделке просветов снова встал, тем более что выпавший за последние дни снег попадает через просветы в мастерскую и создает угрожающее положение для всего здания. К тому же новое постановление Ленсовета от 1 октября 1941 года обязывает все учреждения заделать аварии в недельный срок²⁷.

²⁴ Гасилов С. Г. // Подвиг века. Л., 1969. С. 318.

²⁵ Белогруд А. А. // Там же. С. 319.

²⁶ Твелькмейер Л. Б. // Там же. С. 319–320.

²⁷ НБА РАХ. Ф. 7. ОП 2. Ч. 2. Д. 236. Л. 3.

Интерьеры Академии с каждым днем блокады представляли все более печальное зрелище. Архитектор Е. П. Климов в своей статье «Последние дни И. Я. Билибина» описывает состояние Круглого (Шебуевского) зала в феврале 1942 года: «В то время Круглый зал имел весьма неприглядный вид: зияли оконные проемы, лишённые переплетов, на полу лежали кучи битого стекла, кирпича, железного лома и обломки в то время ненужных предметов. Всё было запорошено снегом. Затем всё смерзлось, образовав сплошную ледяную гору»²⁸.

После эвакуации Академии продолжались обстрелы и бомбежки.

4 апреля 1942 года в 3:00 в северо-восточный угол здания попала авиабомба. Пронзив перекрытия, она разорвалась на нижнем этаже. Полностью были разрушены газобезопасное убежище и живописная мастерская А. А. Осмёркина, где провел последние годы жизни Т. Г. Шевченко. Каким-то чудом уцелела только мемориальная мраморная доска. В акте обследования здания, составленном представителем отдела государственного комитета охраны памятников Ленинграда архитектором А. В. Модзалевским, отмечалось, что 4 апреля 1942 года фугасная бомба весом 500 кг пробила крышу и перекрытия 3 и 2 этажей и разорвалась на первом этаже в помещении столовой и кухни пятого отдельного стрелкового батальона выздоравливающих. Кроме того, в стенах и сводах, прилегающих к месту разрушения, имеются трещины, часть сводов грозит разрушением. Также повреждены двери, ведущие в помещение, и часть сводчатых перекрытий²⁹. А. А. Барташевич писал в дневнике 12 апреля 1942 года: «Зашел в Академию посмотреть разрушения. Первый и второй этажи разворочены здорово, провалился свод подвала и засыпано газобезопасное убежище, а верхний этаж почти цел: видна только дыра в потолке и рядом с ней висит неповрежденная электрическая лампочка. Люди, живущие в подвалах Академии, о разрушении узнали только наутро. Сотрясение было не сильнее тех, какие они ощущали от взрывов, происшедших на сравнительно далеком расстоянии»³⁰. Вскоре, 24 апреля, на «литейный двор» были сброшены еще четыре бомбы по 250 килограммов каждая. Тогда в руины были превращены мастерская профессора В. А. Синайского, пострадали другие мастерские скульптурного факультета, был разрушен флигель с гаражом и сильно пострадали три жилых корпуса.

В конце 1942 года Комитетом по делам искусств при СНК СССР и Отделом охраны памятников Управления по делам искусств был выпущен альбом автолитографий заведующего графической мастерской ВАХ В. А. Успенского «Повреждения в дни Отечественной войны 1941–1942 годов». В этом альбоме, в который вошли девять автолитографий, художник с документальной точностью и одновременно с артистизмом выдающегося рисовальщика запечатлел разрушения как главного здания Академии,

²⁸ Климов Е. П. Последние дни И. Я. Билибина // Никто не забыт. Блокадный мартиролог. СПб., 2009. С. 14.

²⁹ НБА РАХ. Ф. 7. ОП. 2. Ч. 2. Д. 236. Л. 21.

³⁰ Барташевич А. А. Ук. соч. С. 114.

в частности студенческой столовой и мастерской профессора А. А. Осмёркина, так и построек «литейного двора». Альбом предваряли два обширных предисловия, написанные искусствоведом и коллекционером П. Е. Корниловым и В. Ф. Твелькмейером. 14 сентября 1943 года, по поручению городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков под председательством главного архитектора города Н. В. Баранова, был составлен акт об ущербе, причиненном зданию Академии художеств. В акте расписались многие выдающиеся деятели культуры Ленинграда, в частности доктор искусствоведения М. В. Доброклонский, народная артистка СССР В. А. Мичурина-Самойлова, художница А. П. Остроумова-Лебедева, писатель В. В. Вишневский. В акте отмечалась злостная преднамеренность разрушения Академии художеств, памятника национальной художественной культуры, которую можно усмотреть из фактов неоднократных бомбардировок и обстрелов территории Академии. Полная стоимость восстановления только разрушенной части главного здания оценивалась в двадцать семь миллионов семьсот тысяч рублей³¹.

В НБА РАХ хранится письмо В. Ф. Твелькмейера от 7 марта 1944 года заместителю начальника Управления по делам искусств исполкома Ленгорсовета П. И. Рачинскому — последний документ, свидетельствующий о разрушениях Академии в дни блокады. «Вследствие канонады, имевшей место во второй половине января, библиотека ВАХ потеряла последнее остекление. Все имевшиеся у нас запасы фанеры были уже использованы осенью 1943 года».³²

В июне 1944 года Институт живописи, скульптуры и архитектуры вернулся в Ленинград, в старые, израненные войной стены Академии художеств. Выбитые рамы, обгоревшие фасады, упавшие карнизы, осыпавшаяся штукатурка... Повсюду видны следы от фугасной бомбы, пробившей этажи главного здания. В Рафаэлевском, Тициановском залах музея и конференц-зале — пробоины, копоть, ржавые подтеки. Здание Академии требовало ремонта. Восстановление Академии до 1947 года проводилось силами самих преподавателей, студентов и служащих. После работы и учебы они становились малярами, штукатурками и плотниками. После реорганизации в 1947 году Всероссийской Академии художеств в Академию художеств СССР ремонт здания стал проводиться планомерно, с помощью нанятых рабочих. Наступили другие времена.

³¹ НБА РАХ. Ф. 7. ОП. 2. Ч. 2. Д. 445. Л. 5.

³² Там же. Д. 236. Л. 7.

Список использованной литературы

1. *Адамович А. М., Гранин Д. А.* Блокадная книга. СПб., 2014.
2. *Барташевич А. А.* Блокадный дневник // Звезда. 2011. № 6.
3. *Бианки В. В.* Город, который покинули птицы // Звезда. 1995. № 1.
4. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб., 2005.
5. *Бродский И. А.* Академия художеств в осажденном Ленинграде // Художники города-фронта. Воспоминания и дневники ленинградских художников. Л., 1973. С. 390–398.
6. *Гаврилова О. А., Ходяков М. В.* Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая истории России. 2016. № 2.
7. *Глинка В. М.* Блокада. Фрагменты воспоминаний, написанных летом 1979 года // Звезда. 2005. № 7.
8. Забвению не подлежит / сост. А. П. Изам, Т. В. Пыженкова, Я. В. Прокопчик. СПб., 2015.
9. *Инбер В. М.* Почти три года. Ленинградский дневник. М., 2015.
10. *Иогансен М. В.* Педагогический процесс и научно-методическая деятельность института имени И. Е. Репина в годы Великой Отечественной войны // Вопросы художественного образования. Л., 1975.
11. Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда. СПб., 1995.
12. Ленинград, 23 января 1944... // ИТАР-ТАСС Северо-Запад [Электронный ресурс] от 23.01.2014. URL: <http://tass.ru/spb-news/906100> (дата обращения: 14.08.2017).
13. *Лисовский В. Г.* Академия художеств. Л., 1982.
14. *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб., 2002.
15. *Магаева С. В., Симоненко В. Б.* Статистика жертв ленинградской блокады // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 8 (3794).
16. *Митрохина Л. Н., Кириллова Л. Н.* История создания Средней художественной школы // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 16. СПб., 2009.
17. «Моя исповедь...» // Новая газета. 28 апреля 2010. № 45.
18. Никто не забыт. Блокадный мартиролог / авт.-сост. И. В. Селиванова. СПб., 2009.
19. Память о блокаде. Свидетельства очевидцев // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
20. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / под ред. М. В. Лоскутовой. М., 2006.
21. Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания. Дневники. Письма. Очерки. Литературные записи / авт.-сост. Н. Паперная. Л., 1969.
22. *Рабинович М. Б.* Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996.
23. *Раевская-Рутковская В. А.* В осажденном городе // Художники города-фронта. Л., 1973.
24. *Успенский В. А.* Всероссийская Академия художеств. Автолитографии. Повреждения в дни Отечественной войны. 1941–1942 г.г. Л.: ВАХ. Графическая мастерская, 1942. [Авторы предисловий – П. Е. Корнилов, В. Ф. Твелькмейер.]

25. *Уродков С. А.* Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 8.
26. *Хаеш А. И.* Воспоминания жителей блокадного Ленинграда [Электронный ресурс] // Заметки по еврейской истории. 2003. № 24. URL: <http://berkovich-zametki.com/Number24/Chaesh1.htm> (дата обращения: 14.08.2017).
27. *Харлашова Е. А.* Академия художеств в блокадном Ленинграде. Сентябрь-декабрь 1941 года // Забвению не подлежит. Вып. IX. СПб., 2013.
28. *Харлашова Е. А.* Академия художеств в блокадном Ленинграде. Разрушения от бомбежек и обстрелов // Забвению не подлежит. Вып. X. СПб., 2014.
29. *Чудин В. А.* «Это страшное слово “блокада”» // Тверские ведомости. 31 января 2014. № 5.
30. *Шефнер В. С.* Бархатный путь: Летопись впечатлений. СПб., 1993.
31. Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Российской Академии художеств. 1915–2005 / авт. – сост. А. С. Борисова. СПб., 2007.
32. *Яров С. В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. СПб., 2013.